

КАРЛ
КАНТ
И
СТАРЫЙ
КЁНИГСБЕРГ

КАРЛЬ

Кант
и
старый Кёнигсберг

перевод с немецкого
ХОВАНСКОГО А. Н.

Битекар
Калининград — 1991

Печатается по изданию: «Кенигсберг альгемайне найтунг унд ферлагдрукерай».
Кенигсберг Пр. 1924.

Обложка и иллюстрации С. Волкова по мотивам старинных гравюр и медалей

ВЕЛИКОМУ СЫНУ
СТАРОГО
КЁНИГСБЕРГА

IM JAHRE 1724 WURDEN DIE DREI STADTE
ALTSTADT KNEIPHOF LÖBENICHT
ZUR STADT KÖNIGSBERG VEREINIGT
IHR GROSSER SOHN IMMANUEL KANT
IN DIESEM JAHRE GEBOREN
LEBTE UND LEHRTE HIER

1924

В году 1724 были три города Альтштадт, Кнайпхоф, Лебенихт в город Кенигсберг объединены. Его великий сын Иммануил Кант в этом году родился, жил и учил здесь

По мотивам юбилейной медали 1924 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени выхода в свет книги «Кант и старый Кенигсберг» прошло 66 лет. Уже давно нет города, который назывался Кенигсбергом, этот город сгорел в пожаре войны, многое было уничтожено впоследствии в угоду невежественной и бессмысленной идее. Выросли целые поколения, почти ничего не знающие о том, что происходило на этой земле до них.

Однако белые пятна истории всегда со временем стираются, и мы сейчас переживаем как раз такое время. Появляются публикации об истории Восточной Пруссии и нет сомнений, что в будущем их количество возрастет.

Переиздавая на русском языке брошюру о Канте, вышедшую в 1924 году, мы стремились включиться в этот поток и по мере сил отдать должное памяти гения, родившегося в Кенигсберге в 1724 году. При всех мыслимых и немыслимых поворотах истории имя Канта всегда будет среди светочей мировой культуры, независимо ни от каких политических или конъюнктурных поворотов.

Переиздание книги не обошлось без затруднений. То, что было абсолютно понятно жителю Кенигсберга 1924 года, почти ничего не говорит рядовому калининградцу — нашему современнику. Прежние улицы либо меняли названия, либо вовсе исчезли с лица земли, в центре сегодняшнего Калининграда почти не осталось довоенных зданий, лишь краеведы знают старые названия городских районов и предместий. Чтобы сделать данную книгу как можно более доступной для широкого круга людей, интересующихся прошлым, редакция постаралась снабдить ее справочным аппаратом, подготовив примечания. Надеемся, что комментарии, помещенные в конце брошюры, помогут без труда во всем разобраться даже людям, не очень сведущим в истории Кенигсберга.

Редакция
1991 год

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Прошло два столетия с тех пор, как увидел свет величайший сын Кенигсберга. Весь мир готовится торжественно отметить 22 апреля 1924 года. Необозрим поток новых работ о Канте. Но от широких кругов наших сограждан Кант отстоит относительно далеко, ведь философия является делом ученых, а не простого народа. Прежде было иначе. «Господин профессор Кант» был популярнейшим человеком во всем Кенигсберге. Знатные и простые, старые и молодые знали и почитали его при жизни. А когда он скончался, траур был всеобщим.

Задача данной непритязательной работы — сделать Иммануила Канта для нашего поколения, для сегодняшнего Кенигсберга по-человечески ближе. Эта работа должна показать Канта не как философа, а прежде всего как человека, как согражданина, который сам по себе был выдающимся явлением «доброего старого времени», образцом для всех времен благодаря своему высокому уму и образу жизни. Поэтому данная работа стремится описать также Кенигсберг времен Канта, оправу, в которой находился величайший сын нашего города.

Следует еще заметить, что мы в этой работе впервые, если не считать газетных сообщений, публикуем результаты наших исследований о доме, где родился Кант, о месте, где была прочитана его первая лекция, о его квартирах, о его предках с материнской стороны. Исходный материал для этого взят из кенигсберских государственного и городского архивов.

КАРЛЬ

Кенигсберг, апрель 1924 г.

КЕНИГСБЕРГ ВО ВРЕМЕНА КАНТА

Какое-то особое очарование состоит в исследовании жизненных привычек личностей, которые поднимаются более или менее высоко над средним уровнем человечества. Когда видишь человеческое, слишком человеческое в натуре выдающихся людей, последние все не становятся от этого ниже (хотя в шутку и говорят, что перед своим камердинером никто не бывает великим человеком). При такой точке зрения великие люди лишь становятся ближе нам, не говоря уже о том, что для понимания великих людей и дела их жизни огромное значение имеет знание быта, окружения и условий времени, в которых они жили и действовали.

Кант был настоящим, подлинным восточным пруссаком. При жизни он пересекал границы своей тесной родины лишь посредством мыслей, которыми охватывал весь мир. Он отклонил все приглашения в другие университеты. Любовь к родине и верность родине воодушевляли его в высшей степени. Крепко держался он за своих кенигсбержцев, как и они держались за него.

Хотя Кенигсберг был уже большим городом при рождении Канта, он имел характер мелкого города, точнее, он был собранием маленьких городов. Стены, ворота и рвы с водой разделяли отдельные города и свободные поселения друг от друга. Ревностно наблюдала каждая из этих общин, чтобы сосед не нарушил ее границ, ее административных и судебных прав. Еще в 1709 году жители **Альтштадта**¹ резко воспротивились разрушению (по велению короля для улучшения сообщения) ворот Крумме-Грубе, отделяющих их от **Лебенихта**², потому что «это неизбежно приведет к большим ночным беспорядкам из-за шныряющих вокруг пьяных бродяг, а также придется опасаться многочисленных краж и тому подобных преступлений, равно как и быстрого перехода от одной юрисдикции к другой». Некоторые городские ворота сохранились вплоть до XIX столетия. Правда, с 1724 года они уже не означали каких-либо границ, так как через несколько месяцев после рождения Канта практичный и бережливый король Фридрих-Вильгельм I положил конец этим раздорам, объединив **три кенигсберских города**³ вместе со свободными поселениями в одну административную общину.

Границы объединенного таким образом Кенигсберга образовывали с тех пор бастионные укрепления, построенные во время Тридцатилетней войны, которые приблизительно сходны с **нынешними укреплениями**⁴. Однако эти границы не были целиком заполнены

городскими кварталами. Вообще в предместьях **Трагхайм, Россгар-тен, Закхайм, Ластади**⁵ и др. существовали пезастроенные участки. Как тогда выглядел сегодняшний район вокзала⁶ лучше всего рассказывают названия Шлейзенштрассе, Клашервизе (Охотничий дуг), Философендамм, Остров Венеция. Последний действительно был еще островом, на котором несколько скромных домиков образовывали Кеервидер, т. е. тупик.

В трех старых городах — Альтштадте, Лебенихте и Кнайпхофе земельные участки были еще в средние века узко и глубоко нарезаны при распределении земли. Узкогрудые, покрытые черепицей дома стояли на тесных прямых улицах, за каждым домом был сад, в стороне, в предместьях, кусочек луга, на дровяном лугу — склад для дров. Там и сям находились также приусадебные участки, подобный участок был и у дома, где родился Кант, о котором позднее мы расскажем подробнее.

Бывшие свободные поселения выглядели более сельскими. Там стояли маленькие домики с вытянутыми сзади них полосами садов, алей и лугов, наполюбие тех, что и сегодня можно видеть в **Нассер Гартене**⁷. Между ними по всем направлениям извивались беспорядочно возникшие улицы («как ленточные черви», по выражению Рудольфа фон Готтшалля). Улицы выглядели совершенно иначе, чем сегодня. Удаление мусора и сточных вод почти совершенно еще не практиковалось. Только в 1695 году ящики с навозом стали убирать с улиц, где они стояли перед домами. Нечего и говорить, что ящики эти еще долгое время украшали собой дворы и углы. Свиньи могли резвиться на улицах свободно вплоть до 1744 года. Только в 1731 году было введено первое, весьма скромное освещение улиц. Состояние почвы и воды было в высшей степени неблагоприятно, поэтому эпидемии постоянно собирали богатую жатву.

В этом городе, где немецкая культура встречалась с восточными народностями, жило население, которое было очень пестрым по профессии, образованию и даже по национальному происхождению и языку. Кенигсберг был во времена Канта и еще сегодня во многом остается городом чиновников и художников, ученых и военных, торговцев и ремесленников. Национальные различия сегодня почти совсем исчезли, потому что прежние иностранцы — голландцы, шотландцы, шведы, французы, литовцы и поляки почти полностью онемечились. Во времена Канта было по-другому. Тогда, а кое в чем и вплоть до самого недавнего времени, французы, литовцы и поляки имели собственные церкви и школы, а французы — даже собственные суды. Сейчас уже не существует, как прежде, улиц и целых районов города, заселенных преимущественно одной нацией и представителями одной и той же профессии; сегодня есть, как и в других городах, только различие между жилыми и деловыми кварталами. Некоторые улицы существенно изменились со времен Канта.

Магистерштрассе⁸ когда-то улица ученых, на которой жил, например, Кант и **Симон Дах**⁹, сегодня стала деловой улицей. **Форштадт**¹⁰, в котором Кант провел свою юность, тогда имел чрезвычайно мелкобуржуазное население. Оптовая торговля и денежные дела тогда еще не распространились из **Кнайпхофише Ланггассе**¹¹ через Прегель на Форштадт. Также иудейский элемент, который сегодня там довольно велик, насчитывал в былые времена лишь несколько человек. Соседями дома, где родился Кант, были сапожники, хозяева гостиниц, пекари, старьевщики, игольщики, торговцы пряностями, парихмахеры, сыромятники, жестянщики, пуговочники, т. е. сплошь мелкие ремесленники. Там же было немало гостиниц, на Ахаунттайнгангштрассе, которая вела в Кенигсберг, пересекая Кроненштрассе и Форштадт.

Свое значение в качестве королевской резиденции Кенигсберг потерял еще за столетие до рождения Канта, хотя до самого последнего времени сохранял титул столицы и резиденции. Старинные вольности граждан давно уже ушли в область преданий. Король Фридрих-Вильгельм I правил бесцеремонно, все охватывающей сильной рукой и не терпел никаких противоречий. Указом от 13 июня 1724 года он объединил, как мы уже сказали, магистраты и суды Кенигсберга в один административный аппарат. Общее управление городом разместилось и сейчас еще пребывает в Кнайпхофской ратуше, объединенный городской суд заседал в ратуше Альтштадта и покинул ее несколько десятилетий назад. Лебенихтская ратуша (угол Мюнхенхофштрассе и Лебенихтише Ланггассе, ныне типография Гартунга) была отдана в наем и позже продана.

«Доброе старое время» еще господствовало в судейском делопроизводстве. Средневековая пытка была отменена только Фридрихом Великим, общинная виселица стояла еще целое столетие перед воротами Росгартен слева от Кунценерштрассе по направлению к Кранцу. Это место недавно по нашему предложению отмечено названием новой улицы «Ам Хохгерихт» (к высокому суду).¹²

Крепостное право было тогда в полном расцвете. Несколько не стеснялись открыто вести торговлю людьми и помещать в кенигсбергских газетах объявления об их продаже.

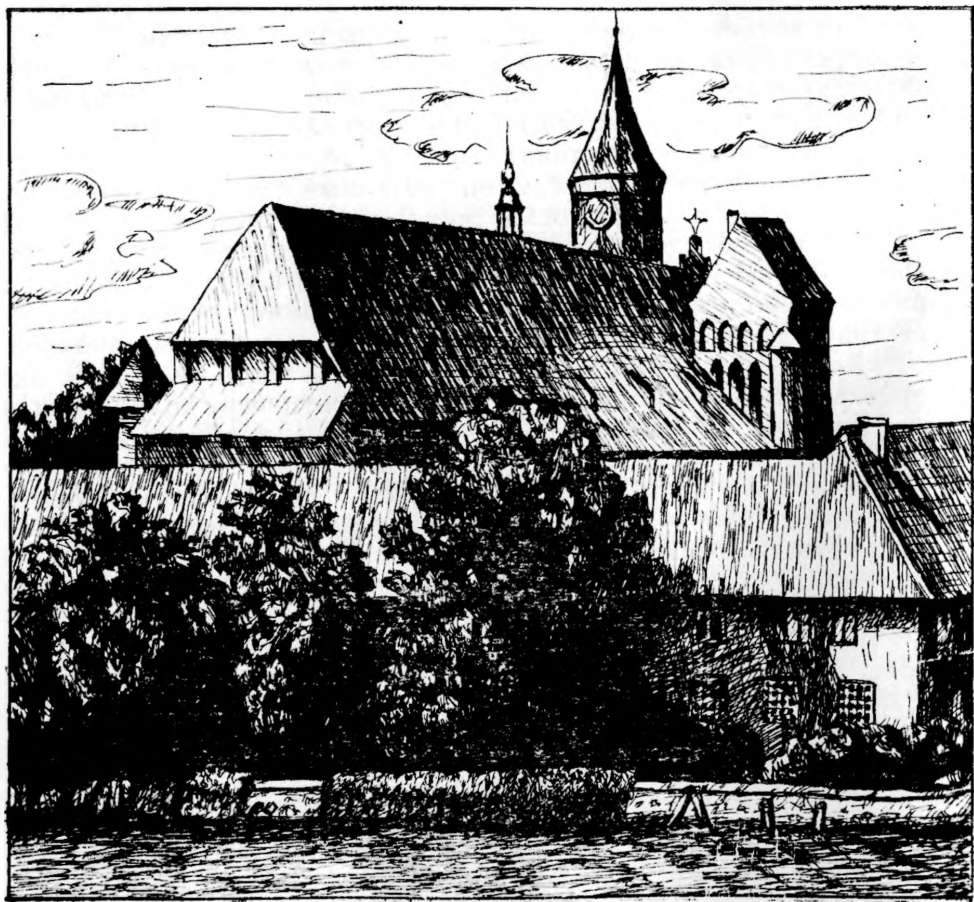
Торговля в Кенигсберге 200 лет тому назад была, пожалуй, в более цветущем состоянии, чем сегодня. Деловая жизнь бурлила в старом городе на Прегеле, многочисленные корабли оживляли собой порт, их иностранные флаги свидетельствовали о дальних торговых связях кенигсбергского купечества. Только разделы Польши и постройка Бромберского канала по приказу Фридриха Великого отвлекли большую часть кенигсбергской торговли с Россией и со Штеттином.

Духовная жизнь была в зените. Имена **Гамана, Крауса, Гиппеля, Гердера, Шеффнера**¹³ блистали рядом с именем Канта на ду-

ховном небосклоне Кенигсберга, который мог именоваться филиалом Веймара во времена Гете.

В церковной жизни господствовало благочестие и даже святость. Пнэтизм находился в эпоху царствования Фридриха Вильгельма I в наивысшем расцвете.

Одним из его главных представителей был Франц Альберт Шульц, профессор теологии и директор **Фридрихсколлегиума**¹⁴, который часто называли «пристанищем пнэтистов». В итоге посещений Фридрихсколлегиума у Капта выработалось отвращение, но не против истинного благочестия, а против преувеличенной церковности, даже против церкви вообще, что заставляло его в течение всей жизни избегать посещения церквей. Известно, что при торжественном входе профессоров в собор он покинул процессию перед дверями и отошел в сторону.

Вид на остров Кнайхоф. На переднем плане здание старого университета,

ЖИЗНЬ КАНТА

1. В родительском доме

Так выглядел Кенигсберг, в котором поселился в начале XVIII века отец Канта, шорник Иоганн Георг Кант — серьезный, храбрый и простой ремесленник, который требовал от членов своей семьи работы, справедливости и благочестия, до самой смерти не навидел ложь и притворство.

Предки Канта происходили, согласно семейному преданию, из Шотландии. Фамилия их, что не было удивительным в те времена, писалась по-разному: Канд, Кант, Сант, Кант. Повсюду в налоговых списках, а также в матрикуле кенигсбергского университета мы находим форму фамилии Кант, которую должны поэтому рассматривать как официальную. Возможно проследить родословную от Иммануила до его прадеда. Это был трактирщик Рихард Кант в Вердене близ **Хайдекруга**¹. Его сын Ганс Кант, дед Канта, был шорником и землевладельцем в Мемеле. В этом городе родился и отец Канта, Иоганн Георг, 3 января 1683 года.

Иоганн Георг изучал шорное ремесло, как и его отец. Он жил сначала в Тильзите, затем переехал в Кенигсберг и женился там 13 ноября 1715 года на Анне Регине Рейтер, которая была моложе его на 14 лет (она родилась 16 марта 1697 года), дочери шорника Каспара Рейтера. Супруги жили (для 1726—1733 гг. имеются подлинные доказательства) в доме **Фордере Форштадт № 22**¹⁶. Собственником этого дома был к концу XVII века некто Георг Шульц, наследники которого продали дом 21 ноября 1697 года Якобу Гаузе (Гауссу) за 2600 гульденов. Гаузе женился на вдове Анне Фельгенхауэр (Фалькенхауэр), урожденной Мюльке или Вюльке, которая имела детей от первого брака, из которых известны Кристоф, Бартель и Регина Фальгенхауэр. Относительно другой ее дочери, которая была женой Манске и имела от этого брака сына по имени Иоганн Фридрих Манске, остается неясным, происходила ли она от первого или второго брака Анны Фельгенхауэр, во втором браке Гаузе. Нас интересует только то, что Анна Фельгенхауэр, в замужестве Рейтер, была бабушкой Канта. Мы установили это как совершенно **новый** факт. До сих пор имена прабабушки и бабушки Канта с материнской стороны не были известны.

Когда родился Кант, дом Фордере Форштадт 22 принадлежал родителям жены старого Канта (отца), шорнику Каспару Рейтеру и его вышеупомянутой супруге Регине, урожденной Фельгенхауэр. Квартира, в которой Кант увидел свет, может рассматриваться как

приданое дочери Анны Регины Рейтер, матери Канта. Во всяком случае можно с уверенностью заключить из близких родственных связей между домовладельцем и квартирантом, а также из профессии старшего Канта, что родители Канта не меняли квартиру между 1724 и 1726 гг. и что, видимо, дом в Фордере Форштадт 22 можно с предположением, переходящим в уверенность, рассматривать как место рождения Иммануила Канта. Дом стоял на очень узком, но достаточно удобном, уходившем вглубь участке земли, достигавшем **Форштадтише Фойергассе**¹⁷; можно поэтому предполагать, что это был узкий, высокий дом с острокопечной двускатной крышей. На основании подлинных данных установлено, что в 1720 году, т. е. за несколько лет до рождения Канта, этот дом имел по крайней мере три этажа. За жилым домом был еще амбар, дворик и сад, а также луг, принадлежавший этому земельному участку. Дальнейшая судьба дома, где родился Кант была очень бурной. В 1734 или в начале 1735 г. он перешел во владение брата бабушки Канта, лудильщика Бартеля Фельгенхауэра. Его наследники в 1738 или 1739 г. продали его игольщику Иоганну Готтлибу Гансену. Недовольный скромными доходами от своего ремесла, он снес дом и на его месте построил в 1740—1742 годах новое строение, в котором основал пивной и винный кабачок. Таким образом, дом где родился Кант, уже через шестнадцать лет после его рождения стал жертвой кирки. Но и это, новое строение 25 мая 1769 года было уничтожено большим пожаром, который возник в кнайпхофской Трэнкгассе (ныне **Берзенштрассе**)¹⁸ и обратил в пепел 76 домов и 143 амбара. Еще сегодня сохраняющийся в полных ужаса воспоминаниях пожар 14 июня 1811 г. сделал этот дом снова своей жертвой. После многочисленной смены владельцев дом в Фордере Форштадт 22 утратил свою самостоятельность и был объединен вместе с № 21 и № 17/18 по Фойергассе в одно владение. Недавно на участке Фордере Форштадт № 21/22 возведено новое здание из красного узорчатого кирпича, при этом не обратили внимания, на каком достопримечательном месте оно стоит. Так как этот дом имеет только три окна по уличному фасаду, то можно представить себе, каким узким был когда-то один дом № 22.

Общим результатом наших исследований является то, что дом, в котором родился Кант, за двести лет не менее четырех раз был разрушен, два раза пожаром и два раза — путем сноса, что от него поэтому буквально не осталось камня на камне.

Собственные сообщения Канта о его детстве и жизни в родительском доме очень скудны. У его друзей было даже впечатление, что он как будто избегал говорить об этом. С братьями, сестрами и остальными родственниками Кант почти не имел связей, так что и с этой стороны информация отсутствует. Даже утверждают, что со своими сестрами, также жившими в Кенигсберге, вообще не разго-

варивал в течение 25 лет. Эта отчужденность от родственников тем более заметна, что о своих родителях он всегда говорил только в выражениях высочайшего уважения и любви. Личное отчуждение пытаются объяснить большим расстоянием, которое возникло между высоко летящим разумом всемирно известного мудреца и мещанскими интересами и взглядами его родственников, ведь его сестры все первоначально были прислугами, а затем вышли замуж за мелких ремесленников.

Из имеющихся сведений мы получаем следующую картину жизни в родительском доме: родители жили друг с другом мирно и в благочестии, которое в бюргерских кругах того времени подразумевалось само собой. Доверие пiousной матери к директору «пристанца изящистов» выражалось также и в том, что она спрашивала у него советов относительно своего Иммануила. Следствием этого было то, что высокоодаренный мальчик был принят в Фридрихсколлегию и предназначен для учения. Это решение не было легким для отца, ведь он с трудом зарабатывал для пропитания своей семьи. Разумеется, избытка не было в обычной по своей многочисленности в те времена семье Кантов (девять детей, из которых, однако, некоторые умерли в детстве). Отец дал нашему Канту на всю жизнь честный ум, образцовую любовь к порядку и высокие моральные чувства. «Никогда, ни разу я не слышал от моих родителей чего-нибудь неприличного, никогда не видел чего-либо недостойного», — говорил часто Кант своим друзьям.

Большее влияние, чем отец, на развитие Канта оказывала его мать, которая к сыну была значительно ближе и по возрасту (напомним, отец был старше матери на 14 лет). Как «Фрау Айа» прививала любовь к фантазированию молодому Гете, так и мать Канта внушала похожему на нее также и физически «Манельхену» (как звучно ласково его имя) глубокую богобоязненность и открывала ему глаза на красоту и величие природы. «Она часто водила меня за город, обращала мое внимание на дела божии, выражалась с благочестивым восторгом о его всемогуществе, мудрости и доброте, вкладывала в мое сердце глубокое благоговение перед создателем всех вещей. Никогда не забуду свою мать, ведь она посеяла и питала во мне первые семена добра, она открыла мое сердце впечатлениям природы, она пробудила и расширила мои понятия и ее наставления имели непреходящее благотворное влияние на мою жизнь». Это влияние тем более заметно, что Кант потерял свою мать, когда ему было 13 лет; отсюда можно заключить о незаурядной одаренности этой женщины. Во время прогулок, которые несомненно проходили вдоль Прегеля или по **Филозофендамм**¹⁹ (версия, что она так названа была по имени Канта, ошибочна, название является более старым) и могли проходить по сохранившемуся еще сегодня **Поэтэнштайт**²⁰, мать могла обращать внимание сына

на различные явления природы, учила его распознавать полезные корни, учила его даже пониманию небесных явлений, насколько ее знания достигали этого, и удивлялась его острому уму и способности к восприятию. Эти прогулки, во время которых глаза мальчика видели далекие плодородные поля, оживленное корабельное сообще-ние по Прегелю, блестящий вдали **Фришес-Хафф**²¹ и уходящие из него в чужие страны суда, возбуждали фантазию мальчика в высшей степени. То, что Кант предпочитал прогулки именно в этих окрестностях города и в более поздние годы, хорошо известно, воспоминания о матери могли в немалой степени повлиять на этот выбор.

Также его игры и сражения с мальчиками, друзьями юности могли происходить на этих покрытых цветами лугах и в окрестностях города, украшенных водными просторами. Об этих друзьях юности мы также мало осведомлены, как и об отношениях Канта со своими братьями и сестрами во времена детства. Брату, когда Кант поступил в университет, было только пять лет. Позднее, когда брат Канта занял место пастора в Курляндии, братья состояли в оживленной переписке.

Начальное образование Кант получил в форштадтской **ГоспитальшULE**²², которую он в Михайлов день 1732 года, на девятом году жизни, сменил на Фридрихсколлегиум, бывший тогда, как уже говорилось, твердыней пиэтизма в Кенигсберге. Пиэтическое воспитание, однако, сделало из Канта не набожного лицемера, а человека с твердыми нравами. Биографы Канта представляют его в школьные годы как слабосильного и застенчивого, даже робкого, кроме того рассеянного и забывчивого. Относительно последнего качества, о котором говорят лишь единичные факты, мы не уверены, что оно действительно имело место. Сообщают также о доказательствах его силы духа и рассудительности.

К сожалению, материальные условия родителей ухудшились с течением времени, ведь семья увеличилась, а вместе с этим росли и расходы. После смерти своего тестя Рейтера (1 марта 1729 г.) отец Канта должен был еще заботиться о своей теще и ее шорной мастерской, и наконец (вероятно, в Михайлов день 1733 г.) он переехал в квартиру тещи (Форштадт 195, **угол Заттлергассе**²³) и взял старуху на свое попечение. Она скончалась 23 октября 1735 года.

После кончины матери Канта (18 декабря 1737 г.) хозяйство вела старшая дочь, которая, разумеется, не обладала осмотрительностью и опытностью матери. Поэтому хозяйственные дела пошли еще больше под гору. Отец Канта, который в прежние лучшие времена платил ежемесячный налог в 38 и 34 грошей, позже 15 и 20, теперь платил только 9 грошей. Он был отмечен в списке налогоплательщиков с 1740 года как «бедный». Не случайно, что этот

упадок дел по времени совпал с начавшимися студенческими годами сына. Связанные с этим расходы уже превышали возможности отца, когда состоятельный дядя Канта, владелец сапожной мастерской Рихтер оказал поддержку этой семье. С 1744 года отец Канта указывается в официальных списках как «старый», вследствие перенесенного им в 1744 году удара он стал действительно дряхлым. В последние годы своей жизни он платил ежемесячно налог в 4; 4,5 и 6 грошей. 24 марта 1746 года он умер в полном упадке сил, вследствие указанного выше удара. «Бог, который ему в этой жизни предоставил немного радости, пусть даст ему вечную радость в удел», — писал Иммануил Кант в старой семейной книге своих родителей.

Именно в то же самое время, т. е. в 1746 году Кант закончил свои университетские занятия. Теперь начались долгие годы странствий, которые, точнее говоря, подошли к концу только в 1783 году, когда Кант приобрел собственный домик на Принцессинштрассе.

2. Годы странствий и зрелости

Каково расстояние от мальчишки шорника Канта там, в мещанском Форштадте, до «изящного магистра» годов зрелости и далее до обожествляемого всем Кенигсбергом, всемирно известного мудреца в его старческой резиденции около Принцессинплац! Как раз достаточно долго жил отец, чтобы дать возможность сыну завершить образование, частично при помощи состоятельных родственников и благодетелей, но ему не было дано порадоваться славе своего сына.

Кант должен был после смерти отца оставить родительский дом и родной город, чтобы в качестве домашнего учителя зарабатывать свой хлеб в провинции. В течение девяти лет (по его собственным словам «в течение нескольких лет») продолжалась эта жизнь в провинции, которая привела его, между прочим, в дом господина фон Гильзена в Ариسدорфе близ Морунгена и будто бы также к графу Кайзерлингу в Раутенбурге. Это пребывание в тиши было крайне необходимо для его углубленных занятий. При этом Кант приобрел, благодаря пребыванию в знатном обществе, те уточненные формы жизни, которыми позднее повсюду славился.

Канту уже был 31 год, когда он вернулся в родной город. 12 июня 1754 года он получил степень доктора философии и осенью того же года начал свои лекции. Еще раньше он опубликовал свои статьи в «Вохентлихен Кенигсбергишен Фраг-унд Анцайгарс-Нахрихтен», которые на основании королевского распоряжения регулярно должны были печатать научные работы. Кант поэтому уже не был неизвестным человеком ни среди ученых, ни среди населения. Его известность уже распространилась настолько, что он узрел на своей вступительной лекции не только переполненную аудиторию

в квартире профессора Кипке (основателя Кипкеакума), у которого тогда жил, но и переднюю, и лестницу, переполненные «почти невероятной толпой студентов», как рассказывает биограф Канта Боровский. Для разъяснения следует заметить, что в то время, а также и значительно позже профессора читали лекции в своих квартирах. Также и в собственном доме Канта на Принцессинштрассе мы находим лекционную аудиторию. Неожиданно большое количество слушателей вызвало у Канта сначала некоторое замешательство, которое однако улеглось в течение второго часа.

Но Боровский ошибается, когда упоминает, что профессор Кипке жил в Нойштадте. Квартира Кипке находилась в конце Районицерштрассе (северная часть Кеттельштрассе), а именно около Литовских ворот, слева от них, т. е. у западного угла бывшего Литовского Болльверка, сегодняшнего **Кольмаркта**²⁴. Этот дом принадлежал во времена Канта городскому секретарю Веккеру и имел номер Книпхоф 366, позднее Районицерштрассе № 3, сегодня Кеттельштрассе № 11.

Позднее Кант жил на Магистерштрассе (тогда Ханпертарштрассе) вдоль Прегеля, где, однако, шум, доходивший с кораблей и польских барок, был ему очень не по сердцу. Кант всегда искал при выборе своего жилища тишину в доме и окрестностях.

Другие квартиры Канта были у Оксенмаркта (**Бычьего рынка**)²⁵, сегодняшней Линденштрассе, и вблизи Дровяных ворот (**Хольцтор**)²⁶, которые находились в конце Хольцштрассе в сторону Фишмаркта и Хольцбрюкке. Кант, по-видимому, предпочитал квартиры со свободным видом на Прегель, что могло быть связано с его детством.

Некоторое время Кант жил у книготорговца Кантера в бывшей лебенихтской ратуше на **Крумме-Грубе**²⁷. Он имел там квартиру в левой части мансарды, куда надо было подниматься по двум лестницам, и читал также там свои лекции. Но то, что это было, как сообщают, в 1766—1769 годах, неверно, потому что Лебенихтская ратуша после большого пожара 11—12 ноября 1764 года стала вновь пригодной для жилья только в 1769 году. Вероятно, Кант жил у Кантера уже на **Альтштадтише Ланггассе**²⁸, откуда тот перенес свое дело на Крумме Грубе.

Этот старый дом Кантера на Альтштадтише Ланггассе (юго-восточный угол Шмидештрассе) был, как показывают еще сохранившиеся изображения, очень достопримечательным патрицианским домом. Он был украшен мемориальными досками с надписями, имел на втором этаже в двух нишах фигуры из песчаника, из которых одна изображала Флору. При полной перестройке дома в 1842 году эти украшения исчезли.

В доме Кантера Канту жилось хорошо, потому что Кантер был большим другом искусства и наук. В его книжной лавке радушно

встречали каждого образованного человека. Прилежно посещали эту лавку Гердер и Гаманн. Его контора была украшена портретами ученых, портрет Канта также висел там.

Из этого во многих отношениях столь приятного дома Кант был изгнан, как рассказывают, петухом соседа, чей крик часто нарушал ход размышлений философа, за любую цену хотел он купить это громкое создание и тем самым обрести покой. Но это ему не удалось из-за упрямства соседа, которому было совершенно непонятно, как его петух мог беспокоить мудреца.

Кант принимал пищу в гостиной, где часто и охотно другие квартиранты присаживались к его столу. Такое общество не было Канту неприятно, однако он всегда следил за достойным поведением и приличными манерами своего окружения. Если кто-нибудь допускал глупые фамильярности или непристойные шутки, то Кант был способен немедленно молча удалиться.

Когда Кант стал старше, ему захотелось приобрести собственный дом и там найти постоянное пристанище. Это и был тот самый, наиболее известный из всех кенигсбергских домов, который, хотя это и звучит невероятно, в 1893 году для расширения делового дома Бернгарда Лидтке был снесен.

Седой всемирно известный мудрец и его дом

С помощью своего друга Гиппеля, бургомистра Кенигсберга, Кант наконец приобрел собственный дом, в котором он уютно устроился и чувствовал себя очень хорошо до конца своей жизни. «Высокомерным не выглядит он — высокая крыша и низкий дом», — писал Гете о своем садовом домике в веймарском парке; это же буквально можно сказать и о доме Канта.

Об интересной предыстории этого участка земли можно сообщить следующее:

29 ноября 1565 года Ландгофмейстеру Гансу Якобу Эрбтрухзесу барону цу Вальдбургу местность, на которой расположена сегодняшняя Принцессинштрассе и прилежащие участки Юнкерштрассе и Постштрассе, вплоть до **Гезекусплац**²⁹, была предоставлена в пожизненное пользование как служебный земельный участок. Также и позднейшие прусские Ландгофмейстеры имели здесь свою резиденцию, пока жилой дом в 1661 году из-за ветхости не был снесен. Позднее, по-видимому, этот участок использовался как садовый или полевой, пока его не приобрел фельдмаршал фон Барфус за пустяковую цену. Вдова Барфуса продала участок на сегодняшней Принцессинштрассе по частям, и именно нынешний участок № 3 5 июня 1715 года она продала пекарю-французу Жаку Крепену, вдова которого 23 марта 1722 года снова продала его французскому судье Людовику де Персоду. В дополнение к нему Персод

Вид на Королевский замок, слева дом Канта.

приобрел 17 ноября 1722 года еще участок в сторону Шлоссбрюкке длиной в сто футов «пустынной почвы» у замкового рва. Весь участок Персода перешел от его наследников 3 июля 1737 года за 1000 гульденов к пекарю Иоганну Кусбилю, а от него 21 февраля 1752 года за 6860 гульденов — к портретисту Иоганну Готлибу Беккеру. От Беккера, который, кстати сказать, был известным художником и написал, в частности, портрет Канта, последний и приобрел это владение с помощью Гиппеля 30 декабря 1783 года за 5500 гульденов.

На земельном участке стоял при его покупке Крепеном в 1715 году двухэтажный домик. Согласно объявлению в «Вохэнтлихен Кеннигсбершен Фраг-унд Анцайгерс-Нахрихтен» (№ 39 за 1736 г.) этот дом содержал следующие комнаты: внизу направо большая

комната рядом с чуланом, слева комната средней величины; наверху справа большой зал рядом с маленькой комнатой и уборной, слева комната средней величины рядом с уборной; над этим залом и комнатой большой балкон с вышкой; кроме того большая светлая кухня и три сводчатых сухих подвала. Справа от дома простирался большой сад со всякими редкими фруктовыми деревьями и другими растениями, одна из изгородей которого была обсажена персиковыми, абрикосовыми и сливовыми деревьями. Слева от дома был огород. Очевидно, французские владельцы земельного участка хорошо умели использовать площадь сада и выращивали там ценные деревья, что еще и сегодня не часто встречается в Восточной Пруссии.

По-видимому, если не предполагать ошибки в вышеуказанном газетном объявлении, дом был позже перестроен, так как во времена Канта уже были отклонения от этого описания, большие комнаты были налево; именно внизу слева была аудитория для лекций, над ней столовая, в которой Кант угощал свой, ставший знаменитым, застольный круг.

Через сохраняющуюся теперь в Пруссиямзее дверь входили в прихожую. Слева была, как упомянуто, аудитория, за ней кухня и справа комната кухарки, которая являлась важной персоной для Канта в смысле угощения друзей. Верхний этаж содержал также переднюю, рядом с ней в передней части дома — столовую, направо — гостиную, сзади нее — спальню и кабинет. В мансарде были три каморки и комната слуги. К нижнему этажу были еще пристроены: слева — вход в погреб, справа — летняя комната и курятник, сзади — крытый балкон и дровяник, позади дома в бывшем замковом рву был маленький старомодный сад, который вплоть до 1896 года можно было видеть со **Шлосштрассе**³⁰. Большой сад (участок № 3а) справа от дома был еще раньше застроен.

Дом был выгодно расположен на спокойной улице и, однако, не в стороне. Только пение заключенных в расположенной за садом тюрьме отравляло Канту некоторые часы. Он пытался через Гиппеля и через полицию добиться отмены этого безобразия, как он назвал подобное пение. Это полностью не удалось, но заключенным было приказано удовлетворять свою склонность к пению при закрытых окнах. С еще большим негодованием Кант жаловался своим застольным друзьям, что уличные мальчишки часто бросают камни через забор в его сад. Внутреннее убранство дома было в соответствии со скромным характером его обитателя простым и чистым. Только несколько столов, стульев и другой мебели, не имеющей особой ценности, стояло в каждой комнате. Кант был очень доволен своим домом и чувствовал себя в нем так хорошо, что у него не было потребности совершать путешествия для отдыха или выезжать в сельскую местность. Он не мог обходиться без своего домаш-

него образа жизни и никогда не выезжал из Восточной Пруссии, даже редко из ближайших окрестностей Кенигсберга.

Очень красиво звучит то, что рассказывает о доме Канта Иоганн Готтфрид Хассе, один из его застольных друзей: «Когда приближаешься к его дому, то все указывает на философа. Дом был в несколько старинном стиле, располагался на удобной и не очень оживленной улице и выходил задней стороной в сад и к замковым рвам, а также и к задним постройкам многовекового замка с башнями, тюрьмами и совами. Весной и летом вид был поистине романтическим. При входе в дом повсюду ощущалась мирная тишина, и если бы там не было открытой и насыщенной ароматами кухни, лающей собаки и мяукающей кошки, любимцев его кухарки, с которыми она, как говорил Кант, читала целые проповеди, то можно было подумать, что этот дом не населен. Если подняться по лестнице, конечно, можно увидеть слуг, занятых накрыванием стола; однако обычно посетители проходили через совсем простую, неукрашенную, отчасти дымную прихожую в большую комнату, которая представляла собой гостиную, не отличавшуюся, однако, пышностью. Софа, несколько стульев покрытых холстом, стеклянный шкаф с несколькими фарфоровыми изделиями и бюро, где хранились серебро и денежные сбережения Канта, да еще термометр. Это была вся мебель, которая прикрывала лишь часть стен. И таким образом гости миновали совсем простую, бедно выглядевшую дверь в столь же скромный «Сан-Суси», войти в который после стука в дверь нас приглашают радостным «Входите!» (как билось у меня сердце, когда это произошло впервые!). Вся комната дышала простотой и тихой отрешенностью от шумов города и мира. Два обыкновенных стола, простая софа, несколько стульев, среди которых был и кабинетный стул хозяина, и обычный комод оставляли в середине длинное свободное пространство, через которое можно было подходить к барометру и термометру, с которыми хозяин постоянно советовался. Здесь сидел мыслитель на деревянном полукруглом стуле, как на треножнике, обращенный лицом то к рабочему столу, то к двери, потому что он проголодался и с нетерпением ожидал своих обеденных гостей».

Не выступает ли Кант из этих описаний почти физически ощущаемым?

В этом доме ежедневная работа Канта шла своим размеренным ходом. Утром в пять часов он вставал, безразлично к тому, что было за окном — летняя жара или зимние бури. До 7 или 8 часов готовился к лекциям, которые большей частью продолжались до 10 часов; затем работал до обеда, который бывал в час.

Обед Кант умел превращать благодаря своему гостеприимству в отдых и развлечение, в самом лучшем смысле этих слов, для себя и своих гостей. Число ежедневных застольных товарищей Канта

было небольшим, редко более трех или четырех. Говорили, что Кант всегда приглашал гостей в количестве, заключенном между числом граций, т. е. тремя, и числом муз, т. е. девятью. Он выбирал своих гостей из самых различных слоев общества, чтобы избежать односторонности разговора, который обычно посвящался естествознанию, политике и современности. Обеденное меню было простым и включало три блюда, маленький десерт и вино. Кант ел с большим аппетитом и достаточно обильно, радовался, когда и его гости отдавали должное еде. Иногда появлялись на столе цветы и плоды из его сада. Таким образом Кант охотно делал подарки своим застольным друзьям и их семьям. Он сам имел мало времени и желания заниматься садом, который посещал лишь изредка.

Посетивший около 1777 года Пруссию астроном Бернулли, член Берлинской академии наук, рассказывает о Канте, когда тот уже был профессором: «Этот знаменитый философ является в общении с людьми настолько живым и учтивым человеком и ведет такой образ жизни, что нелегко представить себе, каким он обладает глубоко исследующим духом; много остроумия выражают подчас его глаза и черты лица». Другие описывают Канта как маленького, узкогрудого, ходящего слегка согбься господина, который одевался с большим вкусом. «Лучше до глупостей следовать моде, чем быть старомодным» — так звучало одно из основных правил Канта. Он носил маленькую треугольную шляпу, маленький, белокурый, добела напудренный парик с кошельком для волос, черный галстук, верхнюю рубашку с жабо и манжетами, сюртук на шелковой подкладке с жилетом и штаны из тонкого сукна, цвет которого был обычно смесью черного, коричневого и желтого цветов, серые шелковые чулки, башмаки с серебряными пряжками и шпагу, когда ее еще носили, а позже трость. Сюртук, жилет и штаны были по тогдашней моде отделаны золотым шнуром, а пуговицы обтянуты золотой оболочкой или шелком. Повсюду люди уступали дорогу «господину профессору», которого они почтительно приветствовали, когда он шел по улице.

Позади Канта шел таким же размеренным шагом его слуга Лампе, который нес под рукой зонтик, чтобы в испостоянную кенигсбергскую погоду в случае дождя защитить от него своего хозяина.

Свою ставшую знаменитой прогулку Кант, как правило, совершал после обеда, всегда один, чтобы никто ему не мешал в его мыслях или наблюдениях над природой. Он шел обычно по Кнайпхофштрассе Ланггассе и через Зеленые ворота, наслаждался с Зеленого моста³¹ прекрасным видом на Прегель и затем шел далее к Философендамму, которая по описанию Гиншеля была отличным местом для прогулок.

В преклонном возрасте Кант шел по альтштадтской Клаппервице к Холландер Баум и оттуда к своему дому по близко расположен-

ной от него **Хольштайнер Дамм**³². По дороге он имел обыкновение останавливаться у определенного дома напротив Шиффсбауплац и прислоняться к кирпичной стене, чтобы немного отдохнуть и насладиться видом на Прегель. Владелец этого дома был настолько внимателен, что поставил для Канта скамеечку для отдыха.

Вернувшись с прогулок, Кант вновь садился за рабочий стол и читал до наступления темноты. В столь благоприятный для размышлений «час сумерек» обдумывал прочитанное и произнесенное во время лекции, сидя как зимой, так и летом около печки, от которой он через окно мог видеть башню **Лебенихтской церкви**³³. Известна прекрасная гравюра нашего городского художника Генриха Вольффа, которая представляет Канта в этот час.

В последние годы своей жизни Кант ограничивался краткой прогулкой в **Кенигсгартен**³⁴. Туда сопровождала его сестра, которая в последние годы Канта вела у него хозяйство. Одна старая дама охотно рассказывала, как сообщает Хаген, что она несколько раз видела Канта с его сестрой, которая, судя по одежде и поведению, не рассталась со своим скромным положением в обществе, сидящих в вечерней прохладе на скамейке Кенигсгартена.

Ведение домашнего хозяйства и заботы о Канте со стороны его сестры стали необходимыми, потому что количество слуг для ухода за телесно и, к сожалению, духовно слабеющим Кантом уже не было достаточным. Его многолетний слуга Лампе становился все менее надежным и не стеснялся даже грубо противоречить Канту, так что пришлось взять другого слугу, которого Басянский, друг старости Канта, тщательно посвятил во все привычки и особенности философа. Но Кант нуждался также и в женском уходе, так что получилось очень удачно, что можно было привлечь для этого его сестру.

Постепенно тело Канта слабело, уже после того, как его дух с некоторых пор угас; 12 февраля 1804 года, в 11 часов утра он отошел. Его последние слова были: «Эс ист гут» (хорошо).

Чрезвычайно велика была скорбь всех слоев населения Кенигсберга, когда стало известно: «Господина профессора Канта больше нет в живых». Известие распространилось очень быстро из уст в уста. Каждый знал, что Кенигсберг потерял своего величайшего сына. День был ясный и безоблачный, только одно маленькое, легкое облачко парило на голубом небе. Рассказывали, что один солдат заметил на **Шмидебрюкке**³⁵: «Смотрите, это душа Канта, которая летит на небо».

Великих людей часто почитают больше после их смерти, чем при жизни. С Кантом произошло обратное. Наследство обожествлявшегося кенигсбергского мудреца было растрчено, его дом подвергнут недостойному обращению. Непосредственно после смерти Канта его дом купил купец Иоганн Кристоф Рихтер и снова, в том же

году (1804) — трактирщик Иоганн Людвиг Мейер.. Оба раза цена дома Канта составляла 10110 гульденов, т. е. вдвое больше той суммы, которую заплатил Кант в 1783 году. Мейер и его супруга устроили там трактир, в котором друзья Канта хотя и собирались ежегодно 22 апреля на поминальную трапезу, но в других отношениях господствовал весьма постыдный порядок.

Трактирное хозяйство в конце концов, по-видимому, пришло в упадок, потому что 30 августа 1836 года правительственный советник в Берлине Карл Фридрих Шаллер приобрел дом Канта на аукционе всего за 130 талеров, чтобы в тот же самый день перепродать его знакомому врачу Карлу Густаву Деббелину.

Деббелин был первым и единственным владельцем дома Канта, который осознал, что вместе с домом приобрел также и обязанности по его сохранению. Он украсил дом доской с надписью, которую еще помнят старые кенигсбержцы:

Иммануил Кант

жил и учил здесь

с 1783 года по 12 февраля 1804 года.

Позже, как и до этого, дом использовался в хозяйственных целях. В саду возникла на углу **Принцессинштрассе**³⁶ и сегодняшней Шлоссштрассе баня, а в доме устроили справочное бюро.

Наследник Деббелина продал дом в 1881 году соседней фирме Бернгарда Лидтке, потребностям расширения которой в конце концов бывший дом Канта был принесен в жертву. Еще раньше сад Канта под № 3а по Принцессинштрассе был отделен и застроен большими деловыми домами. В 1893 году перестал также существовать дом Канта. Сегодня кажется невероятным, что, несмотря на огромное преклонение перед Кантом, не нашлось никого, кто бы приобрел этот дом и передал бы его нам в нетронутом состоянии.

Кто знает дом Гете в Веймаре, знает также, как можно было бы использовать дом Канта, а именно — для кантовского музея. Жалкий эрзац четыре года тому назад (воскресный выпуск «Гартунгше Цайтунг» от 21 марта 1920 г.), в соответствии с возникшим движением был создан посредством открытия компаты Канта в старом университете.

МОГИЛА КАНТА

Под звон всех колоколов города двигалась 28 февраля 1804 года необозримо длинная траурная процессия от дома Канта на Принцессинштрассе к собору. Все сословия города были представлены, никто не хотел быть в стороне от оказания последней чести всеми чтимому умершему. У входа в собор тело было поднято куратором фон Остау и профессорами университета. После торжественной заупокойной службы тело Канта было погребено в профессорс-

ком склепе у северной стороны соборного хора. Профессорский склеп был построен уже к концу XVI столетия. Он служил кроме своего прямого назначения как место погребения учителей высшей школы, также и весьма мирским целям, так как там часто выставлялись для продажи докторские диссертации, диспутации и другие ученые сочинения. В начале XIX столетия склеп был закрыт для погребений и по предложению Шеффнера превращен в «Стоа Кантиана» — крытую галерею для профессоров и студентов. Кант был там похоронен одним из последних. Постепенно «Стоа Кантиана» разрушилась, и поэтому в 1880 году там построили теперь снова уже снесенную из-за разрушений готическую надгробную капеллу у восточного конца Стои.

Когда позднее пришедшая в упадок «Стоа Кантиана» была снесена, надгробная капелла потеряла свою опору. Широкие трещины образовались в стенах, основные стены опустились, реставрация стала неизбежной.

В течение ряда лет шла борьба за местопребывание останков Канта. Одни предлагали похоронить их в соборе, который, однако, Кант при жизни боязливо избегал, другие думали о храме славы, своего рода пантеоне на открытом месте. В конце концов было решено, несомненно наиболее правильным образом, не тревожить еще раз смертные останки Канта. Вокруг могилы воздвигнута открытая колоннада, созданная профессором Фридрихом Ларсом, которая 22 апреля 1924 года в двухстолетнюю годовщину со дня рождения Канта была освящена и передана общественности.

Эта колоннада напоминает об идее, возникшей в 1852 году у Карла Розенкранца, — воздвигнуть памятник Канту под легкой крышей, которую поддерживали бы четыре ионические колонны.

Так Кант нашел, наконец, достойное его место упокоения.

ДЕЛО ЖИЗНИ КАНТА

Количество сочинений, посвященных творчеству Канта, огромно и возрастает еще больше в нынешний юбилейный год. В этих немногих листах, которые должны сделать Канта по-человечески ближе нам, возможно поэтому упомянуть лишь о главных его произведениях. То, что Кант и его философия означали полный переворот в человеческом сознании, что они привели к совершению новой эпохи, можно считать бесспорным. «Руководствуйся своим разумом» и «поступай этически» — это основные понятия, которые Кант хотел внушить человечеству в качестве его задач. Свою первую работу «Об истинной оценке живых сил» Кант издал уже после окончания им университетского курса, в 1746 году, т. е. в возрасте 22 лет. Издержки по напечатанию взял на себя его дядя, владелец сапожной мастерской Рихтер. Это сочинение выглядит несколько юношески

незрелым, так что Лессинг отозвался о нем следующим образом:
Затратил Кант трудов немало,
Чтоб мир ему понятней был;
Для сил живых оценку дал он,
Но сил своих не оценил.

Уже значительно более зрелыми были его публикации по окончании периода домашнего учительства (1755), а именно — докторская диссертация «Об огне», позднее ставшее столь знаменитым сочинение «О естественной теории и истории неба», и некоторые другие. Затем прошло, против ожидания, более четверти века, пока не появились его главные произведения. Между тем в 1760—1770 годах он написал при вступлении в ординарную профессуру ряд работ, но своей своеобразнейшей философской системой выступил только в произведениях 1780-х годов. Это были «Критика чистого разума» (1781), «Основания метафизики нравов» (1785), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790 г.). В этих трудах Кант уже полностью изложил всю свою систему. То, что еще появилось в 1790-х годах, было закатом его мыслительной силы, которая, к сожалению, за несколько лет до смерти значительно уменьшилась.

Успех сочинений и лекций Канта был огромным. Люди всякого возраста и положения благоговейно внимали ему; весь мир прислушивался, когда из тихого дома на Принцессинштрассе появлялись новые сочинения. Нельзя умолчать, с другой стороны, о том печальном факте, что король Фридрих Вильгельм II резко выступил против Канта как духовного вождя просвещения и мнимого врага христианства (1784). Эти недоразумения в сильнейшей степени взволновали Канта, потрясли его здоровье и немало повлияли на духовное засыпание последних лет его жизни. Здесь надо указать как на досадное недоразумение на то, что в ряде памятников Аллеи Победы в Берлине Кант изображен в связи с Фридрихом Вильгельмом II. Кант принадлежит по времени, и в особенности по духу, к эпохе Фридриха Великого.

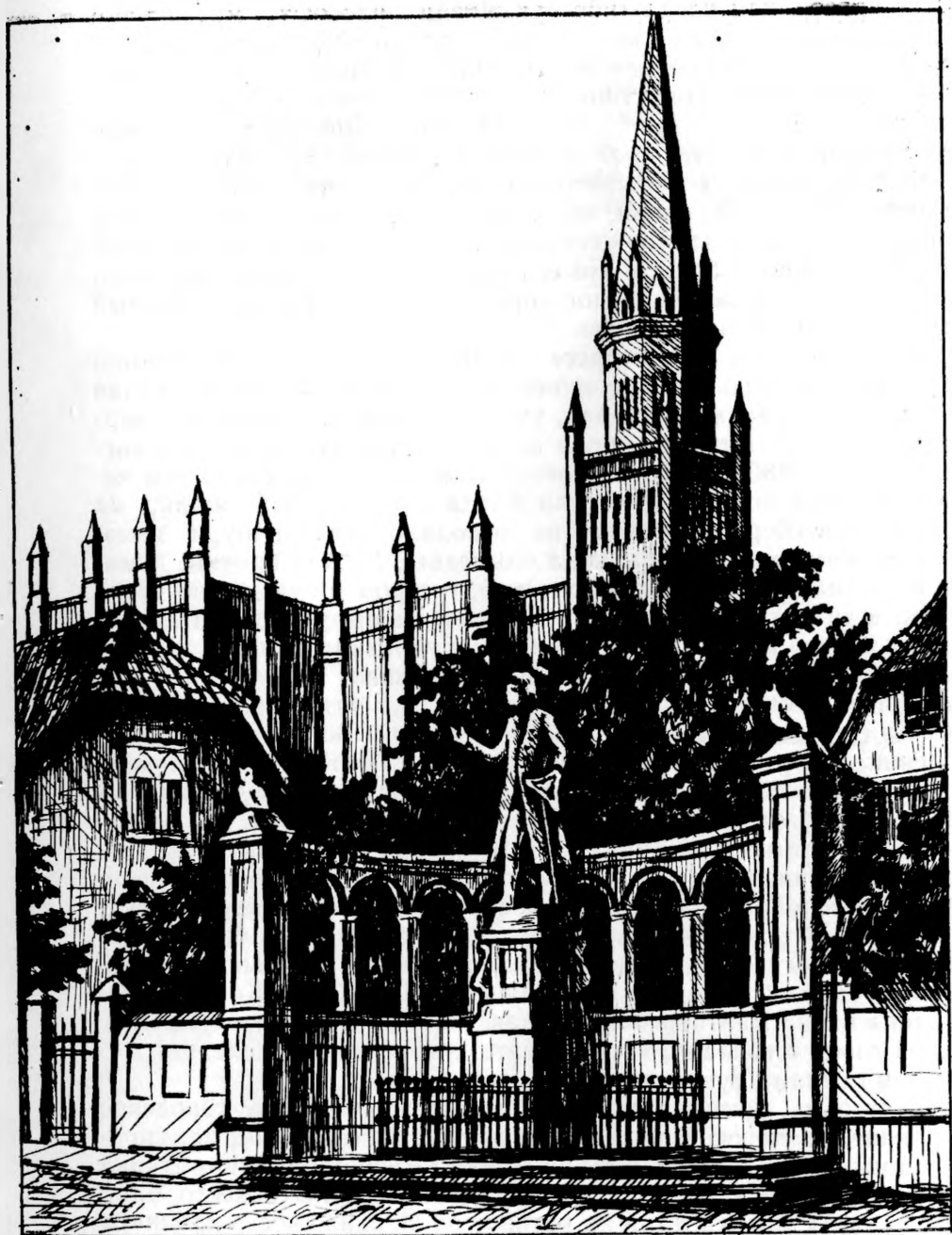
ПАМЯТНИК КАНТУ

Является чрезвычайно достойным монументом тот, который Христиан Раух создал величайшему немецкому философу в его родном Кенигсберге. Но до открытия этого памятника, несмотря на энтузиазм кенигсбержцев, прошло не менее шестидесяти лет. Хотя предложения возникали еще раньше, но в ход дело пошло в 1850-х годах. Карл Розенкранц мечтал в 1852 году о памятнике на Филозофендамм, на которой тогда был построен первый кенигсбергский вокзал. Выходящим из поезда Кант должен был являться возвышающимся на террасе вблизи линии укреплений «окруженный коль-

цом изящных кустов и деревьев, под легкой, поддерживаемой четырьмя ионическими колоннами крышей» (идея, о которой напоминает портик на могиле Канта, созданный Ларсом). Вблизи также там пристают пароходы и это был бы центр будущего уличного движения, так думал Розенкранц. Также Август Хаген, который вообще до сих пор еще недостаточно оценен и который был уважаемым лектором по истории искусств нашего университета, с пылом поддерживал идею о постановке памятника на Философендамм. Он желал первоначально создать сидящую старую, так как Кант имел обыкновение отдыхать на Философендамм во время своих прогулок (конечно, чисто внешнее основание). Вскоре, однако, появились обстоятельства, которые не позволили осуществить эту идею — вблизи запланированного для памятника места должны были установить телеграфные столбы; также это место относилось к району укреплений, поэтому в случае войны памятник пришлось бы удалить.

Тогда стали думать об альтштадтской Кирхенплац (сегодня Кайзер-Вильгельм-плац), которая с 1829 года была **свободной**³⁷, но Хаген считал ее слишком большой. Розенкранц, напротив, писал Рауху, создателю статуи: «Памятник будет очень хорош на площади. Садовые насаждения на ней должны, естественно, несколько направлять к нему». В 1858 году даже было объявлено: «В комитете по установлению памятника Канту окончательно решено установить статую на площади, на которой раньше стояла Альтштадтская церковь». Однако получилось по-другому. После того, как идея поставить памятник Канту в переднем саду университетской библиотеки (на **Кенигштрассе**³⁸, бывший дом Пруссии) отпала, некоторые предлагали поставить памятник в самом подходящем месте, наверху **Кантберга**³⁹, позади сада Канта. Сад перегородили стеной, которая оставляла полукруг для постановки памятника. При этом за образец взяли памятник Фридриху I на **Шлоссплац**⁴⁰. По соседству памятник Канту тогда бы имел слева замок, а справа тогдашний Постгартен с его высокими деревьями, перед собой маленькую декоративную площадь, за которой была старая Заутерская школа (предшественница ЛуизеншULE). Ранее проходивший здесь замковый ров был уже засыпан. Место было замкнутым в себе, кругом зеленым, тихим и полным очарования, только по узкому крутому Данцигер Келлергассе ездил туда-сюда почта и приносила жизнь в этот тогда еще мало оживленный уголок. Там памятник был торжественно открыт 18 октября 1864 года. Почему открытие памятника миролюбивому всемирно известному мудрецу было приурочено к 51-й годовщине битвы народов при Лейпциге, остается непонятным.

Большие трудности и нужда в деньгах были вызваны созданием гранитного постамента для памятника. Требуемые 4000 талеров не удалось собрать, так как **свободомыслие Канта** в то время имело

Памятник Канту на Кантберге, здесь он находился с 1864 до переноса в 1885 на Парадеплац.

больше врагов, чем когда-либо при жизни философа. Розенкранц выразил в очень резких словах свое негодование в связи с тем, что широкие круги общественности относились к памятнику равнодушно, даже враждебно. Памятник был одним из последних произведений Рауха, который создал его в глубокой старости и умер еще перед завершением этого произведения 3 декабря 1857 года. Известно, что Раух начал свой жизненный путь в качестве камердинера при дворе прусского короля, но менее известно, что он присутствовал при коронационных торжествах в 1797 году в качестве придворного лакея в Кенигсберге и что его квартира была напротив дома Канта. В этом случае Раух мог хорошо узнать Канта, который тогда был в зените своей славы.

После прокладки **Кантштрассе**⁴¹ в 1867 году вокруг памятника Канту стало несколько оживленнее, но все-таки уличное движение удерживалось в таких границах, что декоративную площадь у верхнего конца Кантштрассе могли оставить нетронутой. Только когда в середине 1880-х годов провели Шлосштрассе, стало там неуютно. В конце концов поместили Канта в деревянный ящик, на котором кенигсбергское остроумие отводило свою душу, и затем долго должны были думать, куда его девать. Между прочим, думали и о площади между университетом, театром и судом, но наконец указали для памятника Канту самую скромную часть **Парадеплац**⁴², которую посещали лишь няни и влюбленные пары. После того, как вопрос о могиле Канта был счастливо разрешен и этот спрятанный памятник приняли с любовью, возник вопрос — не перенести ли его туда, где он когда-то стоял? Вопрос об уличном движении, который прежде вызвал перенос памятника, стал теперь столь малозначашим, что декоративную площадь (Шмукплац) отчасти снова можно было бы восстановить. Мы полагаем, что теперь Кант должен там найти себе место. Памятник можно было бы поставить в середине верхней части Кантштрассе, примерно там, где до создания зеленой площадки стоял одинокий газовый фонарь. Шмукплац должна подходить для памятника, в случае необходимости можно было бы ею пожертвовать, так как даже отдельно стоящий памятник едва ли потеряет свое значение. Памятник Канту, который стоял бы на Кантберге лицом навстречу приезжему, едущему в верхний город с вокзала, мог бы стать целью, которой следует желать всеми силами души своей!

Может быть, примут благосклонно это предложение городское управление, кантовское общество и друзья Канта (которые, впрочем, примыкают к первоначальной мысли Розенкранца о памятнике Канту как о первом впечатлении для приезжего). Это место, близ которого стоял дом Канта и на которое он из окна своего кабинета смотрел ежедневно при своих размышлениях; но совсем вдалеке от духа Канта и связанных с ним воспоминаний находится Параде-

плац, на которой Кант, может быть, случайно искал отдыха, но которая в его время была ничем иным, как прозаическим полем для военных упражнений.

Однако пусть памятник стоит где угодно, одно неоспоримо: творение Рауха достойно великого мыслителя. Кант стоит, как бы высказывая свои самые сокровенные мысли!

«Две вещи наполняют нашу душу все новым и возрастающим удивлением и благоговением, чем чаще и настойчивее мы предаемся размышлениям: звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Альтштадт** (старый город) располагался между замком и рекой Прегель. Старейшее поселение, получившее городские права в 1286 г.
2. **Лебенихт** — поселение к востоку от замка, второе по времени возникновения после Альтштадта. Городские права Лебенихт получил в 1300 г.
3. Имеются в виду Альтштадт, Лебенихт и Кнайпхоф (поселение на острове, там, где сейчас руины Кафедрального собора). Городские права Кнайпхоф получил в 1327 г.
4. Укрепления вокруг Кенигсберга были сооружены в 1626—34 гг.
5. **Трагхайм** — деревня к северу от замка, в границах нынешнего Ленинского проспекта, улицы Черняховского и Замкового (Нижнего) пруда.
6. **Россгартен** — владения Ордена севернее Лебенихта, район нынешней областной больницы.
7. **Закхайм** — деревня в районе нынешних Московского проспекта, улиц Грига и 1812 года.
8. **Ластади** — местность, где сейчас находится спорткомплекс «Юность».
6. В начале двадцатого века железнодорожный вокзал находился на территории теперешней товарной станции.
7. **Нассер Гартен** (мокрый сад) — поселок огородников (вдоль нынешней улицы Нансена).
8. **Магистерштрассе** — улица в южной части острова Кнайпхоф.
9. **Симон Дах** — знаменитый немецкий поэт, родился в 1605 г. в Мемеле (Клайпеда), умер в 1659 г. в Кенигсберге.
10. **Форштадт** — городское предместье к югу от острова Кнайпхоф (Ленинский проспект от Дома моряков до улицы Багратиона).
11. **Кнайпхофише Ланггассе** — главная улица острова, по ней прошел эстакадный мост.
12. Улица Линейная.
13. Деятели немецкого просвещения.
14. **Фридрихсколлегиум** — школа, основанная в 1698 г., в 1701 году стала королевской, в 1732 г. в ней учился Кант.
15. **Хайдекруг** — г. Шилуте (Литва).
16. **Фордере Форштадт** — нынешний участок Ленинского проспекта от улицы Портовой до улицы Полоховой.
17. **Форштадтише Фойергассе** — улица, проходившая между Ленинским проспектом и улицей Серпуховской.
18. **Берзенштрассе** проходила мимо биржи (Дворец культуры моряков).
19. **Филозофендамм** (философская дамба) представляла собой во времена Канта пешеходную дорожку по насыпи среди заливных лугов западнее нынешней ул. Серпуховской.
20. **Поэтенштайг** (поэтическая тропа) — так называлась защитная от наводнений насыпь, она соединялась с Филозофендамм.
21. **Фришесс-Хафф** — Калининградский залив.
22. Школа при госпитале св. Георга.
23. Дом находился в районе нынешнего магазина «Мелодия».
24. **Кольмаркт** (капустный рынок) — северная набережная острова Кнайпхоф.
25. Угол нынешней улицы Октябрьской и набережной генерала Карбышева.
26. Этот дом находился на противоположном берегу Прегеля.
27. Район между строящимся Домом Советов и универсамом «Московский».
28. **Альтштадтише Ланггассе** — отрезок нынешнего Московского проспекта от эстакадного моста до памятника военным морякам (торпедный катер).
29. Территория к северо-западу от замка. От современного Дома связи до гостиницы Калининград.
30. **Шлоссштрассе** (Замковая улица) проходила вдоль северного крыла замка.

31. Мост с западной стороны бывшей биржи, разобран в начале 70-х годов.
32. Описывается район современной набережной маршала Баграмяна.
33. Находилась в районе книжного магазина «Светоч».
34. Кенингсгартен (королевский сад) — сейчас сквер перед старым корпусом университета.
35. Шмидебрюкке (кузнечный мост) соединял северную часть острова Кнайпхоф с центром Альтштадта. Разрушен в 1945 году.
36. Принцесштрассе проходила вдоль западного крыла замка.
37. Территория к юго-западу от замка, примерно там, где сейчас спуск с Центральной площади и эстакадного моста на Московский проспект.
В 1826—28 годах здесь была снесена старая Альтштадтская церковь.
38. Кенигштрассе — нынешняя улица Фрунзе.
39. Немного северо-западнее замка.
40. Шлоссплац (замковая площадь) с памятником королю Фридриху I была примерно там, где сейчас Дом Советов.
41. Кантштрассе представляла собой короткую улицу, перпендикулярную нынешнему Ленинскому проспекту в районе гостиницы «Калининград».
42. Парадеплац (площадь парадов) — в то время второе название Королевского сада. Сюда памятник был перенесен в 1885 году. Поскольку Кант не имел к этому месту никакого отношения, впоследствии предлагалось вернуть памятник на прежнее место (что следует из дальнейшего текста). Однако этого не произошло и, вплоть до своего исчезновения, памятник продолжал стоять на Парадеплац (буквально рядом с памятником в 1945 году был сооружен бункер генерала Ляша).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Предисловие автора	6
Кенигсберг во времена Канта	7
Жизнь Канта	
1) В родительском доме	11
2) Годы странствий и зрелости	15
3) Седой всемирно известный мудрец и его дом	17
Могила Канта	23
Памятник Канту	25
Примечания	30

КАРЛЬ. КАНТ И СТАРЫЙ КЕНИГСБЕРГ

Составитель **Максимов В. К.**

Редактор, художник **Волков С. Е.**

Переводчик **Хованский А. Н.**

Корректор **Ершова А. С.**

Подписано в печать 30.01.91 г. Объем 2 п. л. Зак. 4158. Цена 2 р. 50 коп.

Типография газеты «Страж Балтики».